

Годъ изданія седьмой.

І Ю Н Ъ.

№ 15.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ТРУСИКЪ.
НА РАЗСВѢТѢ (стих.).
МАЛЕНЬКІЙ АРНЪ.
ВЪ СЪНОКОСѢ (стих.).
ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ. (повѣсть).
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Писменный столъ, кресло и табуретки

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHOTOGRAPHY

1875

PHOTOGRAPHY

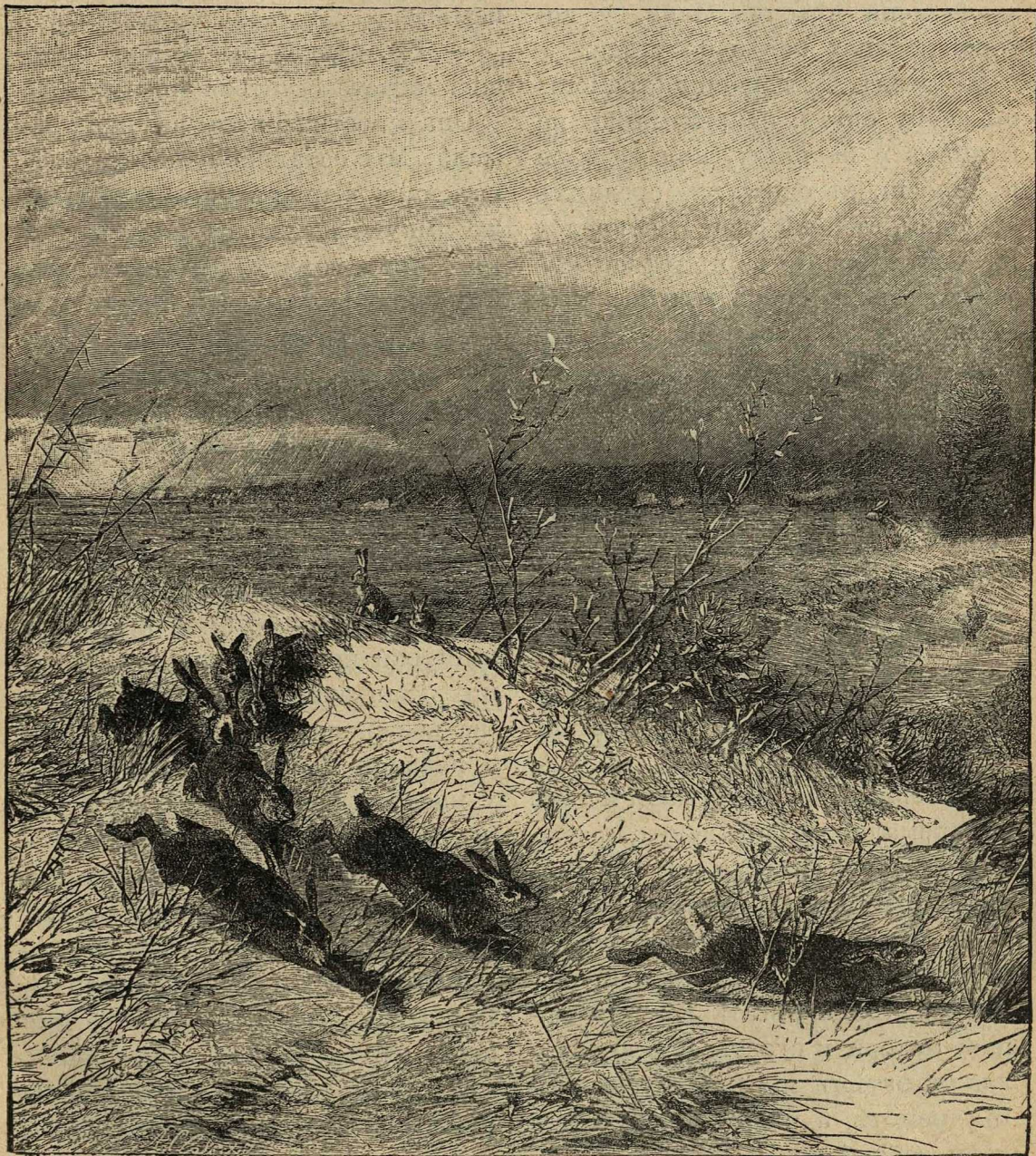
THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHOTOGRAPHY
THE UNIVERSITY OF CHICAGO
1875

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

... Мы мчались, сломя голову. (Къ ст. „Трусикъ“).

ТРУСИКЪ.

(Разсказъ зайца).

Мое имя—Трусикъ. Такъ прозвала меня дѣвочка Маня, у которой я жилъ болѣе полугода.

Я—заяцъ. Мы распространены по всему свѣту, неприхотливы на климатъ и на пищу, но я родился въ Россіи, въ одной изъ среднихъ губерній, въ полѣ ржи. Я появился на свѣтъ зрячимъ и тотчасъ-же увидѣлъ надъ собой голубое, безбрежное небо и колосья ржи, которые шумѣли надъ моей головой. Рядомъ со мною, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, сидѣли такіе-же новорожденные, какъ и я,—мои братья и сестра. Наша мать была около насъ. Она сидѣла въ вырытой ею неглубокой ямкѣ, положивъ голову на переднія лапки, и прижавъ уши къ спинѣ.

— Кушать! кушать! закричали мы всѣ въ одинъ голосъ и стали ее сосать.

Наѣвшись, мы задремали и такъ продремали цѣлый день, просыпаясь только иногда, чтобы утолить голодъ материнскимъ молочкомъ. Но какъ только наступила ночь, такъ мы тотчасъ-же пробудились, стали бѣгать вокругъ нашей матери и играть. И всю нашу жизнь затѣмъ мы проводили дни въ дремотѣ, а по ночамъ чувствовали себя бодро и рѣзвились.

На шестой день мать сказала намъ:—

— Ну, дѣтки, вы теперь большіе, можете остаться и одни!

Она простилась съ нами и убѣжала. Мы остались одни. Каждый изъ насъ вырылъ для себя тутъ-же ямку и мы поселились каждый въ своемъ гнѣздѣ. Мы ѣли траву, недозрѣвшіе колосья и иногда прибѣгала къ намъ наша мать, которая кормила насъ изрѣдка молочкомъ. Мы очень радовались ей. Каждое утро на разсвѣтѣ мы собирались всѣ трое невдалекѣ отъ мѣста нашей родины и начинали играть. Ахъ, какія у насъ были интересныя игры! Мы, какъ волчки, вертѣлись вокругъ себя, бѣгали взапуски кругомъ, ходили на заднихъ лапкахъ и боролись. Затѣмъ мы возвращались къ себѣ домой и впадали въ полудремоту. Зрѣніе у насъ неважное, за то слухъ и обоняніе превосходны. Достаточно малѣйшаго подозрительнаго шороха, шелеста листа или случайнаго пролета жука, чтобы мы уже встрепнулись и насторожили уши. Оттого-то люди и говорятъ про насъ, что мы спимъ только однимъ глазомъ. Далеко отъ родныхъ мѣстъ мы не уходимъ, и только когда выпадаетъ снѣгъ и заноситъ насъ

въ нашихъ норкахъ, то мы еще долго лежимъ подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока насъ не одолѣетъ голодь. Тогда мы пробираемся сквозь него на воздухъ и уже, ничего не разбирая, бѣжимъ къ деревьямъ и начинаемъ глотать на нихъ кору. Если лѣса по близости нѣтъ, то мы бѣжимъ къ деревнѣ, забираемся въ сады и обгладываемъ кору на яблоняхъ и вишняхъ. Случается, что во время такихъ нашихъ набѣговъ на насъ нападаютъ лисица или собаки и тогда многіе изъ насъ погибаютъ. Вскрикнувъ, какъ ребенокъ, заяцъ дѣлаетъ нѣсколько отчаянныхъ прыжковъ и неожиданныхъ поворотовъ и, если ему не удастся сбить ими съ толку преслѣдователя, то онъ покорно отдается ему во власть.

Но я уклонился въ сторону.

На тридцатый день послѣ нашего рожденія, я, братъ и сестра стали уже взрослыми зайцами. Мы жили вмѣстѣ, вмѣстѣ играли по утрамъ, и мысль о разлукѣ никогда даже и не приходила къ намъ въ головы. Но разстаться пришлось: тѣмъ временемъ поспѣла рожь.

Однажды утромъ я услышалъ невдалекѣ отъ себя чьи-то человѣчьи голоса и какой-то странный звукъ, какъ узналъ я впоследствии, происходившій отъ косы. Въ тревогѣ я стукнулъ объ землю задней ногой и похлопалъ ушами. Мои братъ и сестра сдѣлали тоже.

— Что-бы это могло быть? сказала я.

— Это — люди!.. отвѣтила сестра. — Они добрые, они насъ не тронуть...

Мы сбились въ кучку, тѣсно прижались одинъ къ другому и, полные невыразимаго страха, стали выжидать, когда наконецъ прекратятся эти звуки и голоса. Но они приближались. Съ каждой минутой они дѣлались все слышнѣе и слышнѣе и, точно очарованные, мы не могли отъ ужаса тронуться съ мѣста и убѣжать. Какъ вдругъ одинъ изъ голосовъ раздался совсѣмъ уже близко отъ насъ, передъ моими глазами сверкнуло лезвіе косы, скошенная имъ рожь повалилась на землю и сразу сдѣлалось вокругъ насъ свѣтло. Не замѣчая насъ, косарь взмахнулъ косою во второй разъ и въ одинъ мигъ разрѣзалъ моего брата и сестру пополамъ. Увидѣвъ кровь, я вскрикнулъ въ ужасѣ, какъ ребенокъ, и окаменѣлъ на мѣстѣ.

— Братцы! крикнулъ косарь. — Смотрите! Зайцы!

Нѣсколько косарей подбѣжали къ намъ и стали насъ разглядывать. Одинъ изъ нихъ нагнулся надо мной, взялъ меня за уши и приподнял съ земли.

— А этоть, братцы, еще живой! крикнулъ онъ и засмѣялся.

У меня все помутилось въ глазахъ.

Прибѣжалъ мальчишка съ мѣш-

комъ, меня сунули въ него и завязали наглухо. Я весь дрожалъ и отъ страха не зналъ, что дѣлать. Было душно и неизвѣстность казалась страшной.

— Что со мной будетъ? ужасался я.—Что я теперь буду дѣлать?

А невдалекъ отъ меня все время продолжались голоса и звяканье и жужжанье кося. Затѣмъ настала вечеръ. Это я понялъ по запаху травы, донесшемуся до меня сквозь мѣшокъ. Косари кончили свою работу и стали собираться домой.

— Дяденька, слышался голосъ мальчугана.—А что дѣлать съ зайцемъ? Братъ съ собой?

— Да, съ собой, отвѣтилъ взрослый мужикъ.—Не развязывай его. Пуцай такъ въ мѣшкѣ и сидить! Мы его отнесемъ въ усадьбу, къ барышнѣ... На чай дадутъ!

Затѣмъ меня взяли на руки и куда-то понесли. Я слышалъ пѣніе дѣвушекъ, которыя тоже шли съ работъ и пѣли хоромъ. А потомъ, по злобному собачьему лаю и по разговорамъ, я понялъ, что меня принесли въ усадьбу.

— Ну, вась! крикнулъ кто-то, отгоняя собакъ. — Тебѣ, дядюшка, кого?

— Да вотъ вашей барышнѣ, стало-быть, зайчика принесъ... отвѣтилъ знакомый голосъ. — Живого, стало-быть...

Послышался дѣтскій радостный голосокъ и когда меня развязали

и вынули изъ мѣшка, то я увидалъ себя въ кухнѣ барскаго дома. Около меня сидѣла на корточкахъ дѣвочка лѣтъ девяти, и съ восторгомъ на меня смотрѣла.

— Какой хорошенькій! сказала она, и стала гладить меня по спинѣ.

Я стукнулъ отъ страха сначала одной ногой, потомъ другой и прижалъ уши къ спинѣ.

— На чаекъ-бы съ вашей милости... проговорилъ принесшій меня мужикъ и сталъ конфузливо вертѣть въ рукахъ фуражку.

Ему дали на чай, онъ вышелъ,— и для меня началась новая жизнь. Я сталъ ручнымъ, домашнимъ животнымъ. Мы, зайцы, скоро привыкаемъ къ людямъ въ неволѣ. Я пересталъ дремать днемъ, а наоборотъ сталъ днемъ бодрствовать и ночью спать. Меня помѣстили въ кухнѣ, въ углу, отгородивъ для этого нѣкоторое пространство досками, и каждый разъ ко мнѣ прибѣгала моя новая хозяйка Маня и ласково меня привѣтствовала.

— Здравствуй. Трусикъ! говорила она!—Какъ ты поживаешь?

И она давала мнѣ ѣсть разныя вкусныя вещи, какихъ я никогда не ѣлъ на волѣ: капусту, морковку и картофель. Я бралъ ихъ отъ нея прямо изъ рукъ.

Я скоро полюбилъ Маню, но ни разу не было такъ, чтобы я отнесся къ ней съ полнымъ довѣріемъ и не боялся-бы ея. Въ этомъ

случаѣ мы, зайцы, напоминаемъ собою домашнихъ куръ. Онѣ рождаются у человѣка, живутъ съ нимъ всю свою жизнь, изъ поколѣнія въ поколѣніе, получаютъ отъ него кормъ,—и все таки боятся его такъ, что не знаютъ, куда убѣжать, когда онѣ придетъ къ нимъ въ курятникъ. Такъ и я. Я могъ-бы отдать за Маню свою жизнь, но испытывалъ прямо ужасъ, когда она нагибалась ко мнѣ и протягивала руку, чтобы меня приласкать.

— И чего ты, Трусикъ, такой боязливый? говорила она.—Вѣдь я тебѣ не сдѣлаю ничего!

Я и самъ не зналъ, чего собственно я боялся, но боялся я смертельно.

Несмотря на ласки и на обиліе въ ѣдѣ, жизнь въ неволѣ была для меня тяжка. Для меня потянулись длинные, унылые дни; мнѣ хотѣлось воздуха, простора полей и свободнаго голубого неба. И я скоро затосковалъ. Цѣлые дни я просиживалъ, забившись въ уголокъ и весь уйдя въ себя, иногда плохо ѣлъ и плохо пилъ и все ожидалъ, что вотъ-вотъ заболѣю серьезно и умру. И это заставляло Маню беспокоиться.

— Трусикъ захворалъ... говорила она печально.—Онъ не хочетъ двигаться и забился въ уголокъ.

— Да его, барышня, давно пора съѣсть! отвѣчала ей кухарка,—

Зайцы очень вкусны подъ сметаной...

Но Маня не хотѣла объ этомъ и слушать, а у меня отъ страха замирало сердце. Съ этого дня я сталъ бояться, какъ бы меня не изжарили въ сметанѣ и не съѣли. Я затосковалъ еще болѣе.

— Его надо чѣмъ-нибудь развеселить... сказала Маня.

Ночью поймалась въ мышеловку мышь. Маня взяла ее и вмѣстѣ съ мышеловкой поставила ко мнѣ за загородку.

— Вотъ тебѣ пріятельница! сказала она.—Поиграй съ нею.

Но я такъ испугался мыши, что вскочилъ, забился въ своемъ уголкѣ, затрепеталъ и готовъ былъ разломать прутья мышеловки, чтобы только уничтожить эту, такую же несчастную, какъ и я самъ, мышь. Въ другой разъ Маня впустила ко мнѣ морскую свинку. И странное дѣло!—съ ней я скоро сдружился, мы стали спать вмѣстѣ, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, вмѣстѣ грызли капусту и морковку и лучшаго друга я не желалъ. Я повеселѣлъ, сталъ заигрывать съ морской свинкой и въ общемъ сталъ свыкаться со своей судьбой, какъ вдругъ грозный часъ насталъ и надо мной стряслась бѣда. Вечеромъ пришла въ кухню экономка и долго разговаривала съ кухаркой о томъ, что готовить завтра на второе?

— Что я сготовлю? возмущалась

кухарка.—Мясного не ѣдятъ, да и мясо здѣсь плохое; куры надоѣли, дичи нѣтъ!.. Вы требуете, господа тоже требуютъ, а что я имъ подамъ? Гдѣ возьму? Здѣсь не въ городѣ: тамъ взялъ, да купилъ!.. А здѣсь гдѣ я возьму?

И вдругъ глаза у экономки радостно засвѣтились.

— А ты, Дарьюшка, сказала она, изжарь этого зайца въ сметанѣ и подай господамъ!

— Ну, вотъ и хорошо! согласи-лась кухарка.—А то зря только уголь занимаетъ!

Экономка вышла, кухарка пошла звать дворника, чтобы онъ закололъ меня и содралъ съ меня шкуру,—и вдругъ въ кухню вбѣжала Маня. Она слышала весь ихъ разговоръ и слезы такъ и струились у нея по щекамъ.

— Заинька, бѣдненькій, сказала она,—тебя хотятъ зарѣзать и изжарить!.. Но ты не бойся!.. Я не дамъ тебя въ обиду! Ты будешь живъ!

Она подошла къ двери, широко распахнула ее на дворъ, а затѣмъ вернулась ко мнѣ и быстро-быстро разобрала загородку, за которой я жилъ.

— Бѣги! сказала она.—Спасайся! Счастливаго тебѣ пути!

Я выбѣжалъ на средину кухни, увидалъ, что дверь была отворена, и однимъ прыжкомъ оказался на дворѣ. Боже мой, какое счастье! Мнѣ въ морду пахнуло свѣжимъ

воздухомъ, свободой, надо мной снова было безбрежное голубое небо, я не почувалъ себя отъ радости и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать въ далекій, виднѣвшійся сквозь рѣшетку лѣсъ. И вдругъ я услышалъ позади себя голосъ дворника:

— Лови, лови, лови! Заяцъ!..

Вслѣдъ затѣмъ двѣ дворовыя собаки сорвались со своихъ мѣстъ и съ лаемъ бросились за мной въ догонку. Я понялъ, что мнѣ угрожала смерть.

Сколько было во мнѣ силъ, я сталъ поддавать задними ногами и бѣжалъ такъ, какъ стрѣла. Собаки слѣдовали за мной по пятамъ. Я миновалъ ворота, кустарникъ, поле и сталъ сбѣгать внизъ къ рѣкѣ. Но заднія ноги у меня длиннѣе переднихъ, я поддалъ ими, потерялъ равновѣсіе и уже, какъ мячикъ, покатился внизъ головой къ самой водѣ. Мокрый, испуганный, я переплылъ черезъ рѣку, выскочилъ на другой берегъ и юркнулъ въ лѣсъ. Цѣлый часъ я бѣжалъ по лѣсу, стараясь мѣнять направленіе, и съ радостью сталъ замѣчать, что лай собакъ становился отъ меня все дальше и дальше и, наконецъ, прекратился совсѣмъ.

Я находился въ безопасности и на свободѣ. Сѣвъ подъ кустъ, я сталъ отдыхать и соображать свое положеніе. Сердце во мнѣ билось. Ноги отъ усталости дрожали. Но

мою душу наполняла радость, что наконецъ-то неволя прекратилась для меня и я снова могу жить тою жизнью, для которой создалъ меня Господь.

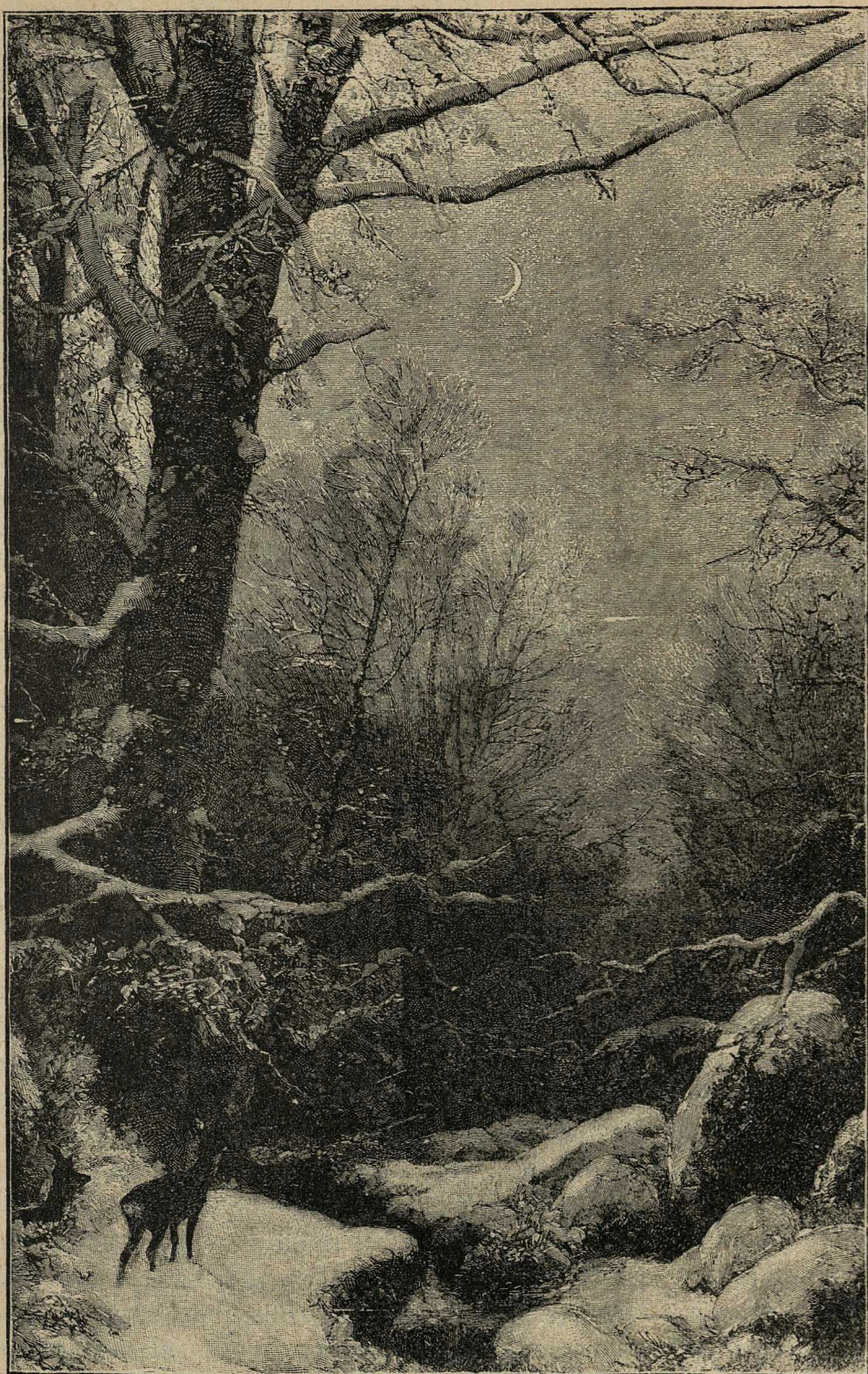
Я оглядѣлся. Кругомъ все было ново для меня. Я отлично помнилъ, что меня схватили и посадили въ мѣшокъ во время жатвы, когда все кругомъ было зелено и когда поспѣли уже ягоды, которыми я такъ любилъ лакомиться. Теперь же на деревьяхъ была свѣженькая, молоденькая листва, стоялъ въ воздухѣ смолистый запахъ березъ и то тутъ, то тамъ желтѣли въ травѣ одуванчики и бѣлѣли перелѣски.

— Эге! подумалъ я. — Уже весна!.. Долго же я пробылъ въ неволѣ! Я и не замѣтилъ въ кухнѣ, какъ прошли осень и зима!

Я вырылъ въ землѣ глубокую ямку, залѣзъ въ нее такъ, что изъ нея виднѣлась одна только моя спина, и крѣпко и сладко заснулъ.

А затѣмъ началась для меня наша обычная, заячья жизнь. Я радовался, наслаждался свободой и всѣ пережитыя мною несчастія казались для меня ушедшими куда-то далеко и только иногда я видѣлъ ихъ во снѣ. Правда, для меня и на свободѣ жизнь не протекала въ полной безопасности, такъ какъ нѣтъ такого хищнаго животного, которое отказалось бы поживиться заячьимъ мясомъ, но и эта полная опасностей жизнь

была для меня раемъ въ сравненіи съ той, которой я жилъ у Мани. Два раза меня чуть было не съѣла лисица. Одинъ разъ, когда я пробѣгалъ черезъ кустарникъ, меня схватила одной лапкой сидѣвшая на кустикѣ сова и вцѣпилась въ мою спину когтями, держась другой лапкой за кустъ. Я вскрикнулъ отъ боли и отъ испуга, рванулся и со всѣхъ силъ побѣжалъ впередъ. Оказалось, что я разодралъ сову пополамъ и еще долго таскалъ на себѣ одну ея половину, въ то время какъ другая такъ и осталась висѣть на кустѣ. До сихъ поръ въ моей спинѣ можно прощупать ея заросшіе въ моемъ мясѣ когти. Въ другой разъ я испыталъ паническій ужасъ передъ грозой. Заходила темная туча, ее бороздили молніи и глухо ворчалъ громъ. Дождя еще не было, но вся жизнь притихла и ожидала покорно бури. И вдругъ подулъ сильный вѣтеръ. Мы всѣ, зайцы, собрались въ одно большое стадо и, ставъ на заднія лапы, тоже стали ожидать грозы. Какъ вдругъ среди насъ пронесся какой-то непонятный страхъ; мы вздрогнули и, сами ничего не соображая и не понимая, всей массой бросились бѣжать, куда глядѣли наши глаза. Ужасъ объялъ насъ. Мы мчались, сломя голову, не обращая вниманія на то, что замѣтивъ насъ, люди выскочили съ ружьями и стали въ насъ стрѣлять и многихъ изъ насъ убили.

Въ лѣсной глуши.

Маленькая скрипачка.

Когда же мы наконецъ успокоились и пришли въ себя, то шель уже дождь, гремѣль стороною громъ и намъ самимъ стало казаться страннымъ и смѣшнымъ, что мы такъ испугались и такую живой лавиной бѣжали, сами не зная отъ кого и отъ чего. Впрочемъ, это съ зайцами бываетъ.

Однажды я встрѣтилъ Маню. Я бѣжалъ черезъ лѣсъ и вдругъ увидѣлъ ее на бережку ручья. Около нея стояла корзинка съ грибами, а она сама сняла съ себя башмаки и чулки и болтала ногами въ кристальной водѣ ручейка. Я тотчасъ же узналъ ее, всталъ передъ нею на заднія лапки и захопалъ ушками. Но она не узнала меня.

— Зайка! крикнула она мнѣ.— Здравствуй, Косой!

Она взяла въ одну руку башмаки и чулки, а въ другую—корзинку и, весело шлепая босыми ногами по тропинкѣ, пошла къ себѣ домой. Я тоже побѣжалъ своей дорогой.

Но чтобы она знала, что это дѣйствительно былъ я, ея Трусикъ, и чтобы она поняла, какъ я былъ ей благодаренъ за ея доброту, я пишу эти мои записки и посылаю ихъ въ редакцію „Золотого Дѣтства“. Быть можетъ, она получаетъ этотъ журналъ и тогда она объ этомъ прочтетъ и узнаетъ, что тѣмъ зайцемъ, который встрѣтилъ ее тогда у ручья, былъ именно я.

Зайцы живутъ только до шести лѣтъ.

Трусикъ.

НА РАЗСВѢТѢ.

Блѣднѣетъ небо. Меркнутъ звѣзды.	Еще рѣка дымится паромъ
Въ полоскѣ радужной востокъ	Еще дремотенъ плескъ волны
И потянулъ съ луговъ росистыхъ	И ивъ прибрежныхъ очертанья
Передразсвѣтный вѣтерокъ.	Въ росистой мглѣ потоплены...

Но близко утро. Гаснутъ звѣзды.
 Все разгорается востокъ.
 И за рѣкою надъ деревней
 Чуть видный курится дымокъ...

Филаретъ Черновъ.

МАЛЕНЬКІЙ АРНЪ.

У богатаго римлянина Септимія былъ въ гостяхъ его другъ Виницій. Они не видались уже нѣскольکو лѣтъ, а потому разговорамъ не было конца. Гость Виницій служилъ въ Африкѣ, многое видѣлъ и многое зналъ, и Септимій не могъ его послушаться.

— Ну, расскажи, расскажи что-нибудь еще!.. говорилъ онъ и подливалъ другу вина.

Маленькій мальчикъ рабъ-Арнъ, служившій господамъ у стола, стоялъ въ сторонѣ у колонны, слышалъ ихъ разговоръ и тоже удивлялся. Съ большими глазами и съ замираніемъ сердца, онъ выслушивалъ рассказы Виниція объ охотѣ на слоновъ, о нападеніяхъ львовъ и крокодиловъ, объ обезьянахъ, похожихъ на человѣка, и о страшныхъ буряхъ на морѣ. Онъ такъ увлекся рассказами гостя, что когда Виницій вдругъ смолкъ, то онъ позабылъ о своемъ положеніи раба, бросился къ нему и съ жаромъ сказалъ:—

— О, продолжай, господинъ, продолжай!.. Это такъ интересно!

— А ты любишь интересныя исторіи, малышъ? спросилъ онъ.— Это хорошо. Изъ тебя можетъ выйти въ слѣдствіи образованный рабъ и твой господинъ сможетъ продать тебя за хорошую цѣну...

Арнъ вспыхнулъ отъ волненія.

Въ немъ не улеглось еще возбужденіе отъ разказа, а тутъ вдругъ такъ ласково и ободряюще заговорилъ съ нимъ такой знатный гость. Глаза его засверкали.

Виницію очень понравился мальчуганъ.

— Откуда онъ у тебя? спросилъ онъ Септимія.

— Его отецъ—плѣнный германецъ, отвѣтилъ хозяинъ.— Онъ умеръ тогда-же отъ ранъ. Этого мальчика и его мать я купилъ потомъ на базарѣ, какъ плѣнниковъ. Я слышалъ, что среди германцевъ они считались знатными людьми.

— Знаешь что? вдругъ обратился гость къ Септимію.—Продай мнѣ этого мальчугана! Онъ очень мнѣ понравился. Я дамъ тебѣ за него хорошія деньги.

Септимій сталъ отговариваться, Виницій настаивалъ, они долго торговались и наконецъ Септимій сказалъ:—

— Но безъ матери я его не продамъ! Я не имѣю обыкновенія разлучать дѣтей съ матерями даже среди рабовъ. Покупай его вмѣстѣ съ матерью!

— Нѣтъ, возразилъ Виницій.— Ты продай мнѣ его одного! На что мнѣ его мать?

Они опять стали торговаться, просьбы гостя были неотступны, вина было выпито больше, чѣмъ

обыкновенно, и подь конецъ Септимій не выдержалъ характера и согласился.

— Ну, ладно! сказалъ.— Пусть будетъ по твоему! Давай деньги и Арнъ будетъ твоимъ!

Въ тотъ-же день они оба отравились съ Арномъ къ чиновнику и тотъ утвердилъ эту продажу. И сталъ Арнъ собственностью другого. Теперь ему предстояло разстаться съ матерью навсегда и ѣхать со своимъ новымъ господиномъ въ Африку, куда тотъ снова отправлялся на службу.

Вѣсть о продажѣ Арна поразила его мать Герту, какъ громомъ. Она въ это время катала хозяйское бѣлье и валежъ выпалъ у нея изъ рукъ. Ноги у нея задрожали, все закружилось вокругъ нея и она готова уже была лишиться чувствъ, какъ вдругъ ее кликнула къ себѣ зачѣмъ-то госпожа. Рабынямъ не позволялось падать въ обморокъ и бѣдная мать должна была собрать въ себѣ всѣ свои силы, чтобы предстать передъ своей госпожей веселой и готовой выслушать ея приказанія. Весь остатокъ того дня, пока Арна водили къ чиновнику и исполняли формальности по продажѣ, она не могла успокоиться, все валилось у нея изъ рукъ и подь конецъ она не совладѣла съ собой. Когда Арнъ вернулся къ ней, чтобы проститься, и бросился къ ней на шею, она крѣпко сжала его въ своихъ

объятіяхъ и стала покрывать его поцѣлуями. Слезы такъ и полились ручьями у нея по щекамъ.

— Не отдамъ! крикнула она.— Пусть берутъ съ тобою и меня!

Арнъ тоже громко плакалъ и не хотѣлъ съ нею разставаться.

— Я не поѣду, я не хочу! кричалъ онъ.— Я не разстанусь съ тобой, мама, никогда!

Но вошелъ надсмотрщикъ надъ рабами и взмахнулъ своей плетью.

— Это что за нѣжности? крикнулъ онъ.— Прочь по мѣстамъ!

Всѣ рабы, окружавшіе мать и ребенка и соболѣзновавшіе имъ, пугливо разошлись по сторонамъ. Надсмотрщикъ грубо схватилъ Арна за руку и, не давъ ему хорошенько проститься съ матерью, повлекъ его съ собою въ мужскую половину дома. Тамъ уже находился Виницій, собравшійся въ далекій путь, и прощался съ Септиміемъ. Его рабы съ вещами и узлами стояли у входа.

— Ну, Арнъ, обратился Виницій къ плакавшему ребенку,— собирайся! Мы ѣдемъ въ Африку.

Онъ простился, вышелъ и вмѣстѣ съ рабами отправился въ путь, Арнъ послушно слѣдовалъ за нимъ. А въ это время его мать Герта лежала безъ чувствъ въ своей каморкѣ и около нея стояла старая рабыня Фаина, которая старалась ее утѣшить.

— Не плачь, сестра, говорила она.— Успокойся... Христосъ по-

можетъ тебѣ перенести твое горе... Обратись къ Нему! Онъ самъ пострадалъ за людей и не оставляетъ тѣхъ, кто страдаетъ!

— А кто это Христось? спросила Герта въ недоумѣніи.

— Спаситель міра... отвѣтила Фаина.— Онъ приказалъ людямъ быть братьями и пострадалъ за ихъ грѣхи... Обратись, сестра, къ Нему! Увѣруй въ Него и Онъ утѣшитъ тебя!

По щекамъ Фаины текли слезы. Она сострадала Гертѣ, называла ее сестрой и влекла ее къ Кому-то Невѣдомому, Котораго Герта еще не знала, но Который могъ ее утѣшить. И полная какого-то новаго, охватившаго ее чувства, тщетно ища утѣшенія и поддержки, она вдругъ схватила Фаину за руку и сказала:—

— Хорошо, старуха, веди меня къ Нему! Если Онъ можетъ утѣшить меня, то я готова увѣровать въ Него!

Фаина робко оглядѣлась по сторонамъ.

— Только не сейчасъ, сестра... зашептала она,— а позже, ночью... Мы отправимся съ тобой къ Нему, когда всѣ будутъ спать, въ самую полночь. Насъ не долженъ замѣтить никто.

Герта залилась слезами и упала лицомъ на постель.

Настала полночь. Старая Фаина опять пришла къ Гертѣ, взяла ее за руку и куда то повела.

— Пойдемъ... сказала она.— Всѣ спать...

Крадучись, они вышли на улицу и черезъ весь Римъ прошли за городъ. Было пустынно. Лишь изрѣдка попадались подгулявшіе римляне, которые возвращались домой, да иногда доносились до нашихъ путницъ голоса изъ освѣщенныхъ кабацковъ и далекій лай собакъ. Пройдя Аппіеву дорогу, онѣ вышли въ поле. Городъ остался далеко позади.

— Здѣсь... сказала Фаина.

Онѣ вошли въ какой-то погребъ, гдѣ слѣпая дѣвушка дала имъ по зажженной лампѣ, и стали спускаться внизъ въ глубокое подземелье. Длинные корридоры съ надписями по стѣнамъ потянулись передъ ними, теряясь въ далекой глубинѣ. Онѣ все шли и шли подъ землю, имъ встрѣчались и обгоняли ихъ другіе мужчины и женщины съ лампами, и вдругъ до нихъ донеслось тихое, стройное пѣніе нѣсколькихъ голосовъ.

— Что это? спросила Герта.

— Это—нашъ храмъ и всѣ эти люди—христіане, отвѣтила Фаина. Здѣсь мы молимся нашему единому Богу—Христу.

— Но зачѣмъ вы собираетесь именно здѣсь, въ подземельѣ?

— Мы боимся преслѣдованій язычниковъ и тихонько отъ нихъ вырыли эти катакомбы. Но станемъ здѣсь, къ сторонкѣ, я расскажу тебѣ о Христѣ.

Онъ отошли въ темный, сырой уголокъ и Фаина стала разсказывать Гертѣ объ Иисусѣ Христѣ, Его ученіи, чудесахъ, страданіи и воскресеніи изъ мертвыхъ. Герта слушала ее въ великомъ удивленіи, стараясь не проронить ни одного ея слова, и что-то тихое, успокаивающее стало наполнять ея сердце. А издалека по прежнему доносилось стройное пѣніе христіанъ.

— Ну, а теперь пойдѣмъ туда! сказала Фаина и, взявъ Гертю за руку, повела ее туда, откуда доносились пѣніе и мерцаніе частыхъ огней...

А въ это время маленькій Арнъ уже качался на кораблѣ по Средиземному морю. Онъ прибылъ вмѣстѣ съ своимъ господиномъ изъ Рима въ Остію, сѣлъ здѣсь на корабль и поплылъ съ нимъ въ далекую Африку. Дулъ вѣтеръ, паруса надулись, въ то-же время и рабы гребли веслами, — и корабль шелъ такъ скоро, какъ только могли въ то время двигаться по морю корабли.

Всю ночь Арнъ не спалъ. Его укачало, ему было дурно и въ то-же время образъ его матери, которую онъ нѣжно любилъ и которую не увидитъ теперь уже больше никогда, неотступно стоялъ у него передъ глазами. Всѣ на кораблѣ спали и только одни рабы, махавшіе веслами, звенѣли своими цѣпями на нижней палубѣ и иногда

громко и протяжно кто нибудь изъ нихъ вздыхалъ. Арнъ сидѣлъ на верхней палубѣ одинъ, плакалъ, вглядывался въ темноту ночи и иногда пожималъ плечами, когда набѣгавшая волна вспрыгивала на бортъ и окачивала его своими брызгами.

— Мама, мама!.. шепталъ онъ. — Зачѣмъ ты отпустила меня одного? Зачѣмъ не поѣхала вмѣстѣ со мною?

И по мѣрѣ того, какъ корабль все дальше и дальше уходилъ въ далекую, таинственную глубь ночи, его положеніе казалось ему все болѣе и болѣе безнадежнымъ; ему хотѣлось кричать, стучать ногами, взывать о справедливости и убѣждать всѣхъ, что онъ такой-же, какъ и всѣ другіе, что онъ тоже имѣетъ право на свободу и жизнь, — но онъ зналъ, что онъ маленькій и къ тому-же рабъ и что его не послушаетъ никто.

И, полный отчаянія, онъ хотѣлъ было уже броситься за бортъ и утонуть въ этихъ холодныхъ, жестокихъ, непривѣтливыхъ волнахъ, какъ вдругъ его осѣнила мысль: онъ всталъ, выпрямился во весь свой ростъ и сжалъ кулаки. Улыбка пробѣжала по его лицу.

— Я убѣгу!.. рѣшилъ онъ. — Какъ только корабль пристанетъ къ берегу, я тотчасъ-же убѣгу!

И онъ нетерпѣливо сталъ ожидать, когда на горизонтѣ вдругъ появится желанная земля. И она

появилась. Ровно черезъ недѣлю въ далекой синевѣ моря показались африканскіе берега. Вышелъ Виницій изъ своей каюты, приободрились капитанъ и матросы и даже повеселѣли рабы. Берегъ становился все ближе и ближе, вотъ ужъ забѣлѣлись постройки прибрежнаго города, а затѣмъ прошелъ часъ — другой, — и корабль причалилъ къ берегу.

— Приѣхали!

Всѣ засуетились, стали вытаскивать багажъ и нагружать его на ослонъ и муловъ; для Виниція подали носилки, онъ сѣлъ въ нихъ и его куда-то понесли. Арнъ долженъ былъ слѣдовать за нимъ пѣшкомъ вмѣстѣ съ другими рабами, но они еще были заняты разгрузкой, — и онъ сѣлъ на берегу на связанный въ пучекъ канатъ и сталъ ихъ поджидать. Образъ его матери по прежнему стоялъ у него передъ глазами и кромѣ него онъ не видалъ ничего: ни этого чужого города, ни этихъ высокихъ пальмъ, шелестѣвшихъ вершинами гдѣ-то высоко, ни этихъ темнокожихъ людей.

И вдругъ онъ вспомнилъ.

— Я бѣгу! сказалъ онъ себѣ. — Не попробовать ли это сейчасъ?..

Онъ оглядѣлся по сторонамъ и, убѣдившись, что за нимъ не наблюдаетъ никто, сначала тихонько отошелъ отъ пристани, а затѣмъ со всѣхъ ногъ бросился

бѣжать къ городу и скоро скрылся въ его толпѣ.

Боясь погони, маленькій, неопытный, вмѣсто того, чтобы остаться въ городѣ, онъ пробѣжалъ черезъ него весь и, потный, съ бившимся отъ волненія сердцемъ, выбѣжалъ въ поле. Передъ нимъ развертывалась широкая, необъятная пустыня, желтая, выжженная солнцемъ, по которой то тамъ, то сямъ поднимались одинокія, тощія пальмы. Онъ все бѣжалъ и бѣжалъ и наконецъ городъ остался далеко позади него, и онъ остался во всей пустынѣ одинъ.

— Уфъ, остановился онъ наконецъ и перевелъ духъ. — Теперь я свободенъ... Теперь ужъ меня не найдетъ никто.

Онъ отдохнулъ немного и пошелъ далѣе. — Скоро исчезли вокругъ него послѣдніе признаки растительности и началась безплодная и безводная африканская пустыня.

Краснымъ, громаднымъ кругомъ зашло солнце и наступили сумерки. Стало прохладнѣе. Вотъ что-то виднѣется на горизонтѣ. Кажется, эта одинокая группа деревьевъ. Еле волоча ноги отъ усталости, Арнъ направляется къ ней и припадаетъ запекшимися устами къ ручейку, протекающему между кустарниковъ. Это — оазисъ. Видны угольки и кусочки тряпочекъ — признакъ, что здѣсь останавливался приваломъ караванъ. Арнъ

поднимается и обводитъ глазами вокругъ.

— Я заночую здѣсь... говорить себѣ мальчикъ.—Здѣсь хорошо.

Онъ ложится на траву, усталость смежаетъ ему глаза и онъ быстро, по дѣтски, засыпаетъ.

И вдругъ около него раздается ужасный ревъ. Онъ вскакиваетъ, протираетъ себѣ глаза и видитъ передъ собою льва. Тяжко рыкая и поднявъ переднюю лапу, онъ прихрамываетъ и идетъ прямо на

Арна. У мальчика отъ страха холодѣетъ подъ сердцемъ.

— Мама! Мама! кричитъ онъ въ испугѣ.

Левъ подходитъ къ нему совсѣмъ близко. При свѣтѣ луны, мальчикъ видитъ, что изъ его лапы струится кровь. Съ покорнымъ чувствомъ, боясь тронуться съ мѣста, онъ уже ожидаетъ себѣ гибели, но левъ остановился, не трогается съ мѣста и только тяжко и глухо рыкаетъ. Это даетъ Арну смѣлость.

— Что у тебя съ лапой? спрашиваетъ онъ и подходитъ къ льву.— Покажи мнѣ ее.

Онъ беретъ льва за лапу и осматриваетъ ее. Въ ней торчитъ большая острая заноза. Левъ покорно ложится передъ мальчикомъ на землю и онъ безбоязненно вытаскиваетъ изъ лапы занозу. Затѣмъ онъ бѣжитъ къ ручейку, зачерпываетъ пригоршнями воды и начинаетъ поливать рану водой. Промывъ ее, онъ вытираетъ ее травой и все время, пока онъ это дѣлаетъ, левъ лежитъ покойно и смирнехонько и своимъ щетинистымъ языкомъ лижетъ руки Арна.

А когда восходитъ солнце, то оно видитъ

Дружокъ.

странную картину: въ оазисѣ, на берегу ручья, лежитъ благодарный левъ и, довърчиво прикорнувъ къ его мягкой гривѣ, около него сладко спитъ Арнъ. Затѣмъ мальчикъ пробуждается и начинаетъ гладить льва по мордѣ и по спинѣ.

— А мнѣ говорили, что львы хищны и жестоки!.. говорилъ онъ.—А они такіе-же добрые, какъ кошки и собаки. А ну-ка, покажи мнѣ свою лапу!

Онъ снова промылъ ее и обтеръ травой и снова левъ лизалъ ему руки, а затѣмъ Арнъ влѣзъ на пальму, сорвалъ себѣ финиковъ и утолилъ ими свой голодъ.

— Да тутъ отлично! сказалъ.—Вотъ-бы сюда мою маму!

Левъ пробылъ съ нимъ цѣлый день, до самаго вечера, а едва только взошла луна, какъ онъ уже всталъ на всѣ свои четыре лапы, лизнулъ мальчика въ шею и, громко зарычавъ, ушелъ въ пустыню.

Арнъ остался одинъ.

Вслѣдъ затѣмъ послышались лай собакъ и человѣчьи голоса.

— Онъ здѣсь! Вотъ онъ! — крикнулъ кто-то и указалъ на Арна.

Это былъ одинъ изъ

рабовъ Виниція, съ которымъ мальчикъ пріѣхалъ изъ Рима.

Къ Арну подскочили собаки, нашедшія его по слѣдамъ, и стали на него яростно лаять. Ихъ отогнали люди съ факелами, связали Арну руки назадъ и погнали его передъ собой обратно въ городъ.

— Иди, иди!—крикнули они на него.—Господинъ покажетъ тебѣ, какъ убѣгать! Ты его рабъ, онъ заплатилъ за тебя деньги и имѣетъ право тебя даже убить.

За работой.

И кто-то нѣсколько разъ стегнулъ его плетью.

Мальчикъ взвизгнулъ отъ боли и, уже ничего не ожидая впереди, покорно побрелъ за своими преслѣдователями.

Его привели къ Виницію. Хозяинъ накричалъ на него, приказалъ его побить и на двѣ недѣли бросить, какъ бѣглаго, въ тюрьму. Съ мальчика сняли веревки и бросили его куда-то въ погребъ, гдѣ въ сырости и въ духотѣ томились преступники и бѣглые рабы и куда за цѣлый день ни разу не проникалъ солнечный свѣтъ.

И для Арна потянулись тоскливые дни. Онъ плакалъ, звалъ къ себѣ свою мать и съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, когда окончатся двѣ недѣли и онъ снова получитъ возможность увидѣть небо, солнце и деревья и дышать чистымъ воздухомъ. Но онѣ окончились, прошли еще недѣли, за ними послѣдовали мѣсяцы, а Арнъ все еще находился въ тюрьмѣ. О немъ забыли совсѣмъ.

Такъ прошли полгода.

А затѣмъ съ шумомъ и визгомъ отворились желѣзныя, заржавѣвшія двери и кто-то громко сказалъ:

— Эй, вы! Выходите всѣ! Нѣтъли среди васъ христіанъ?

— Нѣтъ!—послышались въ отвѣтъ голоса заключенныхъ.

— Ну, это все равно! Выходите всѣ! Императоръ издалъ приказъ, чтобы доставить ему въ Римъ по-

больше христіанъ и бѣглыхъ рабовъ, которые покрасивѣе! Онъ отдастъ ихъ тамъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и показываетъ эти представленія въ циркѣ. Римская знать любитъ смотрѣть, какъ животныя загрызаютъ людей! Выходите скорѣе!

Свѣтъ прыснулъ Арну въ глаза. Блѣдный, исхудалый, почти свѣтившійся насквозь, онъ вышелъ изъ своей тюрьмы и сталъ вмѣстѣ съ другими осужденными въ рядъ.

— Вотъ этого!—сказалъ чиновникъ и указалъ именно на него.— Онъ гибокъ, ловокъ и красивъ. Отправить его въ Римъ. А изъ остальныхъ не годится никто!

Арна тотчасъ-же заковали въ кандалы, посадили на корабль и повезли въ Италію.

Громадный, необъятный циркъ. Масса зрителей. Ихъ такъ много, что кругомъ представляется цѣлое море головъ. Въ главной ложѣ сидитъ самъ императоръ. Его окружаетъ блестящая свита. Представленіе идетъ уже второй часъ, конскія ристанія и состязанія борцовъ уже закончились и теперь должна начаться самая интересная часть программы—растерзаніе живыхъ людей дикими звѣрями. Для этого-то вся толпа и собралась. Она выражала признаки нетерпѣнія, волновалась и ей казалось, что время тянется слишкомъ долго и что лучше было-бы прямо начинать съ звѣрей.

— Поскорѣе-бы выпускали на арену христіанъ!—слышались голоса.

— Да, христіанъ,—отвѣчали другіе,—и бѣглыхъ рабовъ.

— А есть среди нихъ интересные и молодые?

— Да, есть. Говорятъ, что изъ Африки привезли какого-то прелестнаго мальчугана. Воображаю, какъ имъ полакомится тигръ или медвѣдь!

— Но христіанъ будетъ сегодня гораздо больше, чѣмъ бѣглыхъ рабовъ,—говорили третьи.—Полиціи удалось накрыть ихъ гдѣ-то въ подземельѣ, за Аппіевой дорогой, какъ разъ во время ихъ богослуженія. Они поймались всѣ, какъ въ мышеловку.

— А въ чемъ ихъ собственно обвиняють?

— Императоръ очень разгнѣвался на нихъ: они не почитаютъ нашихъ боговъ и говорятъ, что всѣ люди — братья и слѣдовательно равны между собой. Они совершаютъ какія-то тайныя богомоленія и считаютъ своимъ Богомъ Христа. Они называютъ безнравственными эти представленія, которыя такъ любить нашъ императоръ...

И вдругъ толпа зрителей всколыхнулась. Всѣ затаили дыханіе.

— Ведутъ, ведутъ!..—послышались голоса.

Дверь отворилась и, понукаемый кѣмъ-то сзади, на арену вышелъ мальчикъ. Онъ остановился, огля-

дѣлся путливо кругомъ и стала покорно ожидать своего конца. Это былъ Арнъ. Онъ похуздѣлъ еще больше и видно было, что долгіе мѣсяцы заключенія оставили на немъ свои слѣды.

Затѣмъ завизжала дверь на противоположной сторонѣ цирка и, тоже понукаемая кѣмъ-то сзади, на арену вышли двѣ блѣдныя худыя женщины. Онѣ скрестили руки на груди и тоже стали покорно ожидать своего конца. Это были Фаина и Герта. Обѣ онѣ были уже христіанками.

— Мама! — вдругъ взвизгнулъ Арнъ и бросился къ Гертѣ.

— Арнъ! Дорогой мой сыночекъ!—закричала Герта и, громко зарыдавъ, заключила его въ свои объятія.—Господь сжалился надо мной. Въ послѣднюю минуту Онъ далъ мнѣ возможность увидѣть тебя!

И они еще долго рыдали и не могли наглядѣться другъ на друга.

— Да какъ-же ты похуздѣлъ, мой дорогой сыночекъ,—говорила Герта и ласково гладила его по головѣ,—какой ты сталъ блѣдный, какъ ввалились твои прекрасные глаза!..

А Арнъ отъ радости ничего не могъ говорить и только повторялъ:

— Мама, мамочка!.. Мама!..

Всѣ въ циркѣ притихли. Сцена такой неожиданной встрѣчи матери съ сыномъ, въ такомъ необычномъ мѣстѣ и при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ тро-

нула даже жестокия сердца тогдашнихъ римлянъ.

И вдругъ послышался голосъ:
— Выпустить на нихъ льва!

Весь циркъ замеръ. Сейчасъ долженъ былъ наступить самый интересный моментъ: сейчасъ откроютъ желѣзную дверь, и изъ нея выскочитъ левъ, яростно бросится на этихъ несчастныхъ и каждаго изъ нихъ поочереди растерзаетъ.

Арнъ, Герта и Фаина сплотились въ тѣсную кучку.

— Бодрись, Герта! — шепнула Фаина.—Богъ не оставитъ насъ!.. Вспомни страданія Христа на крестѣ!

Завизжали запоры, заскрипѣла дверь, загремѣла желѣзная рѣшетка и, почувствовавъ солнце и свободу, на арену выскочилъ левъ и въ какіе-нибудь два-три прыжка очутился на ея срединѣ. Онъ радостно затрясъ гривой, похлопалъ хвостомъ о бока и громко зарычалъ. Его давно уже томили голодомъ, онъ хотѣлъ ѣсть и, вдругъ увидавъ Арна, Герту и Фаину и почуявъ кровь, онъ бросился къ нимъ, выпустилъ когти и широко раскрылъ пасть.

— Бодрись, Герта!.. — шепнула Фаина и безбоязненно предоставила себя для нападенія льву.

Но левъ бросился на Арна. Онъ зарычалъ, оцетинился и вдругъ, — точно понявъ что-то, точно что-то сообразивъ, сразу успокоился, завилаялъ хвостомъ, замурлыкалъ и

сталъ ласково лизать у Арна руки. Онъ узналъ мальчика и выразивъ передъ нимъ всю свою радость, спокойно легъ у его ногъ и вытянулъ лапы и хвостъ по песку.

— Это онъ! — радостно воскликнулъ мальчикъ.—Это тотъ самый левъ, изъ лапы котораго я вытащилъ занозу!

И къ общему изумленію зрителей, онъ легъ рядомъ со львомъ и положилъ ему голову на гриву. Удивленные Герта и Фаина стояли тутъ-же и безмолвно молились.

И вдругъ послышался изъ ложи голосъ самого императора:

— Дать имъ всеѣмъ свободу! Это, вѣроятно, святые!..

Нѣсколько стражниковъ тотчасъ-же выскочили съ копьями на арену, чтобы исполнить волю императора. Но имъ не пришлось убивать льва. Какъ домашняя кошка, онъ вышелъ изъ цирка рядомъ съ Арномъ, Гертой и Фаиной и тихо, шагъ за шагомъ, послѣдовалъ за ними изъ города. Они шли, за ними еще долго пугливо слѣдовали любопытные язычники и еще долго слышали, какъ Герта и Фаина пѣли псалмы.

А затѣмъ всеѣ трое со львомъ вошли въ лѣсъ и скрылись за его зеленой стѣной. Съ тѣхъ поръ ихъ не видалъ никто. Говорятъ, что они отправились къ себѣ въ Германію, но находились и такіе, которые утверждали, что видѣли въ Африканской пустынѣ, въ оазисѣ, бѣ-

ленькую избушку и въ ней двухъ женщинъ и молодого человѣка. Всѣ трое были христіане. Около домика, грѣясь на солнцѣ, всегда ле-

жалъ передъ дверьми, громадный ручной левъ и, довольный, похлопывалъ себя хвостомъ по бокамъ.

М. Б—скій.

ВЪ СѢНОКОСѢ.

Еще туманъ стоитъ надъ лугомъ,
Еще блеститъ вездѣ роса,
Но ужъ звенить, жужжить коса
И чередою, другъ за другомъ,
Идутъ по лугу косари...
Ты только встань и посмотри,
Какъ, разстегнувъ свои рубашки,
И разметавши волоса,
Они идутъ —и гроздыя кашки
И клеверъ—всѣхъ луговъ краса—
Ложатся ровными рядами...

Ты только встань и посмотри,
Какъ эти всѣ богатыри
Махаютъ острыми косами!
Послушай ты, какъ голосами
Идущихъ съ граблями дѣвицъ
Наполненъ воздухъ и какъ птицъ
Имъ отовсюду вторить пѣнье!
Вѣдь это-жъ радость, упоенье,
И что ужъ тамъ ни говори,
А прелесть наши косари!

Кузнечикъ.

ВЪ СТАРОЙ УСАДЬБѢ.

ПОВѢСТЬ.

Старый графъ Андрей Алексѣвичъ всегда болѣлъ ногами и жилъ грустро и одиноко въ своей гро-

мадной, богатой усадьбѣ, походившей на дворецъ. Онъ былъ окруженъ массою слугъ, требовалъ отъ

нихъ повиновенія и всегда былъ ими недоволенъ. У него на конюшняхъ было множество лошадей, но онъ никогда на нихъ не ѣздилъ, и объ его богатствѣ говорили въ цѣлой губерніи.

Но несмотря на замкнутый образъ жизни стараго графа, всѣ дорожки въ громадномъ паркѣ расчищались каждый день, всѣ сорокъ комнатъ графскаго дома убирались такъ, точно каждую минуту ожидали гостей, и, хотя графъ обѣдалъ всегда только одинъ, обѣденный столъ накрывался на двѣнадцать персонъ. Иногда къ старику привозили изъ сосѣдней усадьбы его внучку Софи, дочь его старшаго сына Петра, который долженъ былъ унаслѣдовать послѣ него его графскій титулъ и всѣ его богатства. Тогда въ домѣ раздавался голосъ ребенка и комнаты оживали, но это продолжалось недолго, потому что дѣвчкѣ очень скоро становилось скучно быть одной и она уѣзжала къ себѣ домой.

— Какъ жаль, что она не мальчикъ, часто скорбѣлъ о ней старый графъ.—Послѣ моей смерти мой титулъ и все родовое должны перейти къ ея отцу; ну, а потомъ?.. Кто будетъ наслѣдникъ потомъ?

И въ глубинѣ своей души онъ желалъ и молился, чтобъ у его сына Петра родился еще и сынъ.

И онъ родился. Радости стари-

ка не было границъ. Онъ повеселѣлъ, пересталъ горбиться и даже, чего не бывало уже столько времени, самъ отправился въ каретѣ къ сыну, чтобы крестить у него новорожденнаго. Маленькій Жоржикъ сталъ теперь занимать всѣ мысли старика. Графъ думалъ только о немъ, жилъ только имъ однимъ и часто приказывалъ привозить его къ себѣ.

— Теперь я могу умереть спокойно... говорилъ старый графъ.— У меня есть внукъ. Нашъ родъ не угаснетъ.

Былъ у графа и другой сынъ—Сергѣй Андреевичъ. Онъ былъ младшій, на графскій титулъ рассчитывать не могъ, такъ какъ графство въ этомъ роду переходило только къ старшему въ родѣ, и жилъ онъ далеко въ Крыму, гдѣ служилъ и своимъ трудомъ содержалъ свою семью. За то что онъ, происходившій отъ такого знатнаго рода, женился по любви на гувернанткѣ изъ сосѣдней усадьбы Ольгѣ Ивановнѣ, отецъ не могъ простить его, лишилъ его всего и прогналъ прочь со своихъ очей.

— Какъ! кричалъ онъ на весь домъ.—Онъ осмѣлился жениться даже не на дворянкѣ! Онъ обезчестилъ весь нашъ родъ!

Сергѣю Андреевичу было это очень горько. Онъ любилъ своего отца, любилъ усадьбу, въ которой родился и жилъ, и мысль о томъ,

что онъ больше не увидитъ ихъ никогда, заставила его страдать. Онъ послалъ къ отцу письмо съ просьбой простить его, но старый графъ не простилъ. Въ первую минуту Сергѣй Андреевичъ не зналъ, что дѣлать. Не отличаясь хорошимъ здоровьемъ, онъ переселился съ женой въ Крымъ, поступилъ тамъ на службу и сталъ зарабатывать свой собственный кусокъ хлѣба. Тамъ у нихъ родился сынъ Алёша. Въ ихъ маленькомъ домикѣ, въ глухой отдаленной улицѣ, все было такъ изящно и мило, что, казалось, у нихъ жили сами ангелы, и Сергѣй Андреевичъ ни на минуту не раскаялся, въ томъ что женился на бѣдной дѣвушкѣ. Онъ и Ольга Ивановна съ восторгомъ принялись за воспитаніе своего сына. Не ожидая ничего, Сергѣй Андреевичъ рѣшилъ дать ему такое воспитаніе, чтобы онъ могъ впослѣдствіи заработать себѣ кусокъ хлѣба самъ, а Ольга Ивановна употребила всѣ усилія, чтобы Алёша никогда не узналъ о размовкѣ, происшедшей между его дѣдомъ и отцомъ.

— Пусть онъ не знаетъ ничего! рѣшила она. — Такъ будетъ лучше!

Ольга Ивановна была очень красива и добра и такимъ-же уродился и Алёша. Какъ ребенокъ, онъ былъ такъ очарователенъ, что на него заглядывались на улицѣ, и

когда съ нимъ заговаривали прохожіе, то онъ былъ такъ привѣтливъ, что это сразу-же располагало къ нему всѣхъ.

— Вотъ прелестный мальчуганъ! говорили о немъ.— Чей это?

Софи и Алёша были сверстниками и хотя были двоюродными братомъ и сестрой, но ничего другъ о другѣ не знали. Оба жили въ разныхъ краяхъ и воспитывались по разному: Софи—какъ богатая аристократка, сознававшая, что она—графскаго рода, а Алёша—какъ простой смертный, не надѣявшійся въ жизни ни на что, кромѣ своихъ рукъ.

Когда Алёшѣ исполнилось пять лѣтъ, Сергѣй Андреевичъ очень захворалъ... Сталъ ѣздить докторъ, запахло лекарствами и Алёша видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ его отецъ становился все блѣднѣе и худѣе. Одинъ разъ, послѣ тяжелаго, мучительнаго кашля, Сергѣй Андреевичъ привлекъ его къ себѣ и долго и печально смотрѣлъ ему въ глаза. Алёша видѣлъ не разъ, какъ втихомолку плакала его мать. Но все это по малолѣтству, онъ скоро позабылъ; все смѣшалось въ воспоминаніяхъ ребенка въ одну общую массу впечатлѣній, такъ что онъ не могъ разобрать, что было на яву и что было во снѣ. Но онъ помнилъ отлично, что когда папѣ сдѣлалось хуже, то его, Алёшу, почему-то отослали

къ знакомымъ; а когда онъ вернулся, то отца уже не было.

Мама, блѣдная и сразу похудѣвшая, сидѣла у окна и задумчиво смотрѣла на горы. Глаза ея были грустны, румянецъ и ямочки на щекахъ исчезли. Почему-то она была одѣта во все черное, тогда какъ раньше ничего черного никогда не надѣвала.

— Мамочка, обратился къ ней Алѣша—Гдѣ папа?

Первые цвѣты.

У нея задрожали губы. Ему показалось, что она готова расплакаться.

— Папѣ лучше? — повторилъ онъ.

Что-то подсказало ему, что онъ долженъ броситься къ ней на шею и начать ее цѣловать. Онъ такъ и сдѣлалъ. Онъ прижался своей щекой къ ея щекѣ и крѣпко сжалъ въ своихъ рукахъ ея шею.

— Да, ему теперь лучше, отвѣтила она съ рыданіями.—Онъ тамъ уже успокоился...

— Но гдѣ-же это тамъ? спросилъ мальчикъ.

Вмѣсто отвѣта она разрыдалась еще больше.

— Теперь мы одни... сказала она.—Только я, да ты... У насъ нѣтъ ни одной близкой души на свѣтѣ!

Какъ ни былъ онъ тогда малъ, но онъ понялъ, что его отецъ уже не вернется къ нему больше никогда. Онъ слышалъ о другихъ людяхъ, что они умираютъ,—значить, умеръ и его отецъ. И въ томъ, что это дѣйствительно было такъ, что они съ мамой остались только вдвоемъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, его окончательно убѣдили и та тоска, которая воцарилась за-

тѣмъ въ ихъ домѣ, и тѣ слезы мамы, которыя она еще долго проливали всякій разъ, когда заходила рѣчь объ отцѣ. Поэтому онъ рѣшилъ не заводить о немъ разговора вовсе. У нихъ было очень мало знакомыхъ, жили они уединенно даже еще при жизни Сергѣя Андреевича, а теперь и вовсе стали одиноки. Но Алѣша этого не замѣчалъ, такъ какъ мать замѣняла ему всѣхъ и все. И между матерью и сыномъ установилась та близость отношеній, когда люди не могутъ жить одинъ безъ другого и когда они понимаютъ другъ друга съ перваго взгляда или намека. Алѣша безъ ума любилъ свою мать и она не чаяла въ немъ души.

Прошли два съ половиной года и Алѣшѣ исполнилось восемь лѣтъ. На углу улицы и переулка была фруктовая лавочка, дальше которой Алѣшѣ не позволялось уходить одному; въ этой лавочкѣ торговалъ татаринъ Айвазъ. Онъ зналъ Алѣшу еще со дня его рожденія и очень любилъ, когда няня Наташа приносила его къ нему въ лавочку, приходя за покупками. Татаринъ этотъ, любилъ поговорить и очень былъ доволенъ, когда у

него находились слушатели. Торговля у него была плохая поэтому, времени для разговоровъ было достаточно.

— Здравствуй, Айвазъ! говорилъ ему обыкновенно Алѣша.—Ну, о чемъ ты будешь рассказывать мнѣ сегодня?

Айвазъ поднималъ голову, глядѣлъ на потолокъ и отвѣчалъ.

— О турецкой войнѣ... О томъ,

Арабъ на молитвѣ.

какъ греки освободились отъ турокъ.

Алеша садился на опрокинутый боченокъ и Айвазъ начиналъ свое повѣствованіе. Алеша слушалъ его съ замираніемъ сердца, съ большими глазами, весь уходя въ его разсказъ. Иногда Айвазъ разсказывалъ ему о самомъ себѣ, о томъ, какъ онъ тонулъ въ Черномъ морѣ и спасся, ухватившись за бревно,—и Алеша въ это время даже дрожалъ отъ волненія. Часто онъ ему жаловался и на свою судьбу.

— Торговля совсѣмъ плохой стала, говорилъ онъ со вздохомъ.— Дѣтямъ кушать надо, а денегъ нѣтъ, покупатель не идетъ, фрукты не кушаетъ... Совсѣмъ бѣда стала.

— Вотъ если-бы я былъ графъ или князь! старался утѣшить его Алеша,—Тогда я даль-бы тебѣ денегъ... Какъ ты думаешь, Айвазъ, хорошо быть графомъ?

И у нихъ начинался длинный разговоръ о томъ, кто самый счастливый человекъ на землѣ. Прибѣгли татарчата, дѣти Айваза, и глядя на то, какъ серьезно ихъ отецъ разговаривалъ съ Алешей, смотрѣли на него большими, серьезными глазами.

Тутъ-же на углу, у фонаря, всегда сидѣлъ чумазый мальчикъ Ванька. Онъ чистилъ прохожимъ сапоги и когда прохожихъ долго не было, то онъ тоже заходилъ въ лавченку и начиналъ слушать разговоръ. Услышавъ однажды такія

мечты о графскомъ титулѣ, онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ;—

— Вотъ хорошо было-бы, если-бы ты былъ богатый!

— А что? спросилъ его Алеша.

— Тогда ты даль-бы мнѣ три рубля займы, и я купилъ-бы на нихъ себѣ сапожныя щетки и ваксу и сталъ бы тогда работать не на хозяина, а на себя.

Алеша уже давно зналъ этого Ваньку и ему стало его жаль. Цѣлые дни Ванька проводилъ на улицѣ, все на одномъ и томъ-же мѣстѣ, не смѣя отойти отъ фонаря, и получая за это гроши, которыхъ хватало на одно только пропитаніе.

— Когда онъ бѣгаетъ? думалъ о немъ Алеша.—Когда онъ гуляетъ?

И въ его дѣтскомъ мозгу сложилось твердое убѣжденіе въ томъ, что деньги создаются только для того, чтобы дѣлать людей счастливыми, и что если-бы онъ, Алеша, былъ богатъ, то сразу стали-бы счастливыми и этотъ многосемейный татаринъ Айвазъ, и этотъ Ванька, и тотъ слѣпой нищій, который вотъ уже сколько лѣтъ стоитъ все на одномъ и томъ-же мѣстѣ у стѣны и просить милостыню.

Однажды Айвазъ и Алеша вели свой обычный разговоръ и находились въ самомъ его пылу, когда въ лавочку вдругъ прибѣжала няня Наташа. На ней не было лица. Она была блѣдна и отъ волненія едва могла дышать.

— Алешенька, иди, голубчикъ, скорѣй домой! сказала она.—Мама зоветъ!

Онъ слѣзъ со своего боченка.

— Да вѣдь идти съ мамой гулять еще рано! возразилъ онъ.

— Иди, иди, батюшка, скорѣй! Тамъ тебя ждутъ...

Онъ простился съ Айвазомъ и Ванькой и вышелъ съ няней изъ лавочки.

Его удивило, что она стала смотрѣть на него какъ-то иначе, точно другими глазами, и была не то заплакана, не то чѣмъ-то очень смущена.

— Что случилось? спросилъ онъ дорогой.—Зачѣмъ ты за мной пришла.

— Да такъ...ничего... отвѣтила она.—Самъ сейчасъ узнаешь!

Когда они подошли къ своему дому, то передъ крыльцомъ стоялъ экипажъ. Этого не бывало съ ними уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ у Алеши умеръ папа. Когда онъ вошелъ въ переднюю, то услышалъ чей-то чужой голосъ. Какой-то мужчина разговаривалъ съ его мамой въ гостиной.

— Входи, входи! ободрила Алешу няня и тихонько, ласково втокнула его въ дверь.

Высокій, сухощавый гость сидѣлъ въ креслѣ, поставивъ цилиндръ около себя на полу, и при видѣ мальчика тотчасъ-же всталъ и очень почтительно ему поклонился. Это удивило Алешу. Мама

стояла тутъ-же, очень взволнованная и со слезами на глазахъ.

Бросившись къ мальчику, она схватила его въ свои объятія и стала жарко и часто его цѣловать.

Онъ немножко смутился, испугался и сталъ высвобождаться изъ объятій матери.

Высокій господинъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и, остался имъ очень доволенъ.

— Такъ это и есть нашъ новый молодой графъ? спросилъ онъ.— Очень, очень пріятно! Я увѣренъ, что дѣдушка будетъ его любить!

Весь остатокъ того дня для Алеши былъ полонъ самыхъ изумительныхъ неожиданностей. Онъ сразу даже и не понялъ, въ чемъ дѣло. Его мама должна была ему объяснить не разъ и не два, что его дѣдушка Андрей Алексѣевичъ, котораго онъ никогда не видалъ, былъ графъ и первый богачъ въ губерніи, что его сынъ Петръ, который имѣлъ право на графскій титулъ, вдругъ неожиданно умеръ, а вслѣдъ за нимъ скончался отъ скарлатины и его маленькій ребенокъ Жоржъ, и что теперь, такимъ образомъ, и графскій титулъ, и всѣ связанные съ нимъ имѣнія должны перейти по наслѣдству къ Алешѣ!

— Ты понимаешь? спрашивала его Ольга Ивановна.—Теперь графомъ будешь ты! Ты—единственный наслѣдникъ послѣ своего дѣдушки!

Съ лица Алеши не сходило вы-

раженіе растерянности и удивленія.

— Но дѣдушка требуетъ, продолжала она,—чтобы ты немедленно же ѣхалъ къ нему. Вотъ этотъ господинъ присланъ за тобой. Это—довѣренный твоего дѣдушки—г. Брендеръ. Онъ—адвокатъ.

Алеша совсѣмъ растерялся.

— Значить, можно будетъ взять съ собой и Айваза съ Ванькой? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сконфузилась за него Ольга Ивановна.—Ты поѣдешь къ дѣдушкѣ одинъ. Даже я буду жить съ тобою врозь!

Алеша испугался и поблѣднѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ,—я вовсе не желаю быть графомъ!

И онъ сталъ плакать.

Ольга Ивановна стала его утѣшать.

— Ну, успокойся, не плачь, сказала она.—Вѣдь если-бы это случилось при папѣ, то для твоего счастья онъ настоялъ-бы на томъ, чтобы ты ѣхалъ. Я не буду жить съ тобой, но буду жить около тебя. Мы будемъ часто видѣться. Не плачь-же! Успокойся!

Но онъ разливался въ три ручья. А затѣмъ онъ взвизгнувъ, вырвался отъ матери и опрометью выбѣжалъ на улицу.

— Куда ты? Куда? крикнула Ольга Ивановна.

— Къ Айвазу и къ Ванькѣ! отвѣтилъ онъ и со всѣхъ ногъ по-

мчался къ лавочкѣ. Няня Наташа заковыляла за нимъ.

Довѣренный улыбнулся и тоже посмотрѣлъ вслѣдъ Алешѣ.

— Кто это такіе Айвазъ и Ванька? спросилъ онъ у Ольги Ивановны.

— Это мѣстный лавочникъ—татаринъ, отвѣтила она,—и чистильщикъ сапогъ.

Онъ нахмурился. Когда еще онъ ѣхалъ сюда съ пристани и извозчикъ подвезъ его къ маленькому простому домику въ этой глухой улицѣ, то онъ былъ неприятно пораженъ. Ему очень не понравилось, что будущій графъ Криницкій, будущій владѣлецъ такихъ роскошныхъ имѣній—и вдругъ родился и выросъ въ такомъ домишкѣ, на такой мѣщанской улицѣ, и ведетъ компанію съ какими-то лавочниками и чистильщиками сапогъ. Но все это недовольство въ немъ какъ-то сразу улеглось, когда онъ ближе познакомился съ Ольгой Ивановной. Онъ ожидалъ встрѣтить въ ней корыстолюбивую женщину, живущую по мѣщански, но когда вошелъ къ ней въ домикъ, то былъ пріятно разочарованъ. Мебель была простая, но изящная, всюду царила чистота и на всемъ лежалъ отпечатокъ тѣхъ ума и благородства, которыми отличаются одни только очень воспитанные люди. Когда-же къ нему вышла сама Ольга Ивановна, то онъ даже почувствовалъ себя неловко. Онъ не

ожидалъ встрѣтить такую прекрасную женщину. Одѣтая въ черное обтянутое платье, она была ласкова и привѣтлива, ея большіе правдивые глаза улыбнулись ему съ отгѣнкомъ тихой, очаровательной грусти, не покидавшей ее со времени смерти мужа. При первомъ-же взглядѣ на нее, старый повѣренный тотчасъ-же понялъ, какъ сильно ошибался на ея счетъ старый графъ, считая ее мѣщанкой и корыстолюбивой. И глядя на эту, полную благородства мать, онъ рѣшилъ, что нечего бояться и за ея сына Алешу и за его знакомства, какъ-бы незнатны и незначительны по своему общественному положенію они ни были: эти лавочникъ Айвазъ и чистильщикъ Ванька—вѣроятно очень хорошіе люди, если такая женщина, какъ эта дама, позволяетъ своему сыну вести съ ними компанію.

— Но неужели необходимо разлучать сына со мной? спросила она и ея голосъ задрожалъ и на рѣсницахъ заблестали слезы.

Повѣренный смутился.

— Я не скрою отъ васъ, началъ онъ,—что старый графъ не расположенъ къ вамъ. До сихъ поръ онъ не можетъ простить вамъ вашего замужества съ его сыномъ. Но это его дѣло. Онъ уже дряхлый старикъ. Мнѣ поручено только сообщить вамъ, что онъ рѣшилъ никогда не видаться съ вами. Маленькій графъ будетъ воспитываться

подъ его личнымъ наблюдениемъ и жить вмѣстѣ съ нимъ. Вы же будете жить въ другомъ имѣніи, всего въ двухъ верстахъ отъ его усадьбы, такъ что будете когда угодно навѣщать вашего сына. Старый графъ требуетъ только, чтобы вы не навѣщали Алешу тайно, безъ его вѣдома. Вашъ сынъ получить блестящее образованіе, онъ не будетъ нуждаться ни въ чемъ.

Ольга Ивановна набожно перекрестилась.

— Ну, слава Богу, сказала она.— Вопросъ объ его образованіи меня очень безпокоилъ. Для своего мальчика я готова на всякія жертвы. Для блага Алешы я исполню все, что требуетъ отъ меня графъ. Я увѣрена, я знаю, что графъ не станетъ возстанавливать его противъ меня, да и мой сыночекъ никогда не разлюбитъ меня. Онъ не перестанетъ любить меня, даже если бы насъ разлучили навѣки. Я готова на все!

„Что-жъ это она ничего не требуетъ для себя лично?“ подумалъ повѣренный и уже громко продолжалъ:

— Вмѣстѣ съ этимъ старый графъ приказалъ мнѣ доложить вамъ, что лично для васъ онъ назначаетъ жалованіе по двѣсти рублей въ мѣсяць и одновременно прислалъ вамъ вотъ эту сумму...

Онъ полѣзъ въ карманъ и досталъ оттуда бумажникъ. Она вспы-

хнула, покраснѣла и тотчасъ же быстро отстранила отъ себя деньги.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала она.— Я не возьму отъ графа ни копейки. Передайте ему, что я отказываюсь также и отъ ежемѣсячнаго жалованія. Пусть остается все такъ, какъ было и до сихъ поръ. Я буду зарабатывать своимъ собственнымъ трудомъ и сумѣю прокормить и одѣть себя сама.

Въ ея словахъ было столько достоинства и благородства, что повѣренный смущенно спряталъ деньги обратно и почтительно поклонился передъ Ольгой Ивановной.

„Какая прекрасная женщина“, подумалъ онъ.

Въ это время въ комнату вдругъ снова вбѣжалъ Алеша въ сопровожденіи няни Наташи. Теперь уже онъ былъ веселый и радостью отъ него такъ и вѣяло во всѣ стороны. Онъ очень запыхался: видно было, что онъ въ оба конца бѣжалъ.

— Теперь я согласенъ быть графомъ! объявилъ онъ.— Айвазъ не можетъ, но чистильщикъ Ванька обѣщался поѣхать къ дѣдушкѣ вмѣстѣ со мною! Это рѣшено!

Няня отъ усталости не могла говорить. Довѣренный и Ольга Ивановна разсмѣялись.

А затѣмъ довѣреннымъ снова овладѣли сомнѣнія.

— „Жаль, если у мальчика окажутся плохія, мужицкія манеры“,

подумалъ онъ и сталъ потихоньку наблюдать за Алешей.

И чѣмъ больше онъ наблюдалъ, тѣмъ все болѣе и болѣе оставался довольнымъ. Никогда еще въ жизни своей онъ не видалъ такого красивца мальчика съ такой горделивой и вмѣстѣ съ тѣмъ простой и привѣтливой осанкой. Его живые глаза смѣло и въ то же время правдиво и добродушно смотрѣли на всѣхъ.

Не догадываясь, что за нимъ наблюдаютъ, онъ держалъ себя, какъ и всегда со всѣми, съ готовностью отвѣчалъ на вопросы, спокойно и съ умомъ задавалъ ихъ самъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что повѣренный наконецъ не сдержался, притянулъ его къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ.

„Это самый прелестный мальчуганъ“, рѣшилъ онъ, — „какого только я когда-либо встрѣчалъ!“

А затѣмъ онъ поднялся, взялъ шляпу и сталъ прощаться.

— Ну, такъ, значить, будемъ собираться въ путь? обратился онъ къ Ольгѣ Ивановнѣ.

Она опустила глаза и чуть слышно произнесла:

— Да...

А когда онъ вышелъ и затихъ вдаль, стукъ его экипажа, она ушла къ себѣ въ спальню, упала лицомъ на подушку и плакала, плакала безъ конца...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Cyclamen.

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 13, помѣщенныя въ № 13, „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I., Буква „м“. II., „Э+т+о=это“. III., Море, соль, поле, моль, форељ, профиль. Задуманное слово—Симферополь. IV., Колосъ—сокољ. V., барыня—рабыня. VI., Муха, корова, ребро, нора—макарона. VII., Потому что не умѣетъ сѣсть.

Ребус № 13: Въ п+а+л+и+с+а+д+н+и+к+ѣ+р+а+з+ѣ+т+ѣ+л+и+л+ѣ+в+ѣ+к+о+й+к+а+к+т+ѣ+у+с+ѣ+т+и+г+в+о+з+д+и+т+к+а.—Въ палисадникѣ расцвѣли левкой, кактусъ и гвоздика.

Вѣрныя рѣшенія прислали: графъ Бобень фонъ-Рентель и графъ Умильнъ, Маня Шиповичъ, Павликъ Темлеръ, Нина Сухоцкая, Гриша, Лейба и Рива Гандлеръ, Станиславъ Марковичъ, Боря и Володя Приходько, Кава Голенищевъ, Ганя и Володя Красные, Нина Козловская, Анатолій Рюне, Федюрикъ Чистяковъ, Аркаша Долодоновъ, Женюрка и Зоя Дюковы, Марианна и Галя Шретеръ, Анатолій Маламудъ, Коля Довгай, Ося Пумперъ, Оля Славковичъ, Коля Финиковъ, Таня Кутасова, Коля и Леля Сухаревы, Володя, Леля и Вася Осокины, Эльза и Ирма Кемнеръ, Ростиславъ Бекнеровъ, Таня Звѣгинцева, Шура и Катя Зубовы, Юля Заякина, Евгенийъ Кравцовъ, Леночка и Жоржикъ Соловьевы, Эрна Беллингъ, Маруся Миханкова, Гоша Недеръ, Боря и Леля Животковы, Леля и Тамарочка Лебединскіе, Шура Большакова, Володя и Боря Чикильдины, Лева Оганджинянцъ, Спасская гостыя Б., Таисія Лукьяненко, Соравъ-Цнябабъ, Мира Оранъ, Николай Замѣшевъ, В. Вабаянцъ и А. Малавкина, Таня и Галя Поярковы, Мальчики Гармоновы, Рая Рославцева, Леля Старовѣркинъ, Геня Парافیановичъ, Женя Айдинянъ, Наумъ Венедиктовъ, Лара, Сережа, Оля и Лида Серебровскіе, Надя Виноградова, Лида Котляревская, Вѣра Арефьева, Геля Жинкина, Петя Рябцевъ, Нина Безирганова, Юра Миллеръ, Маркъ и Рая при помощи Жени Лурье, Митя Скарятинъ, Боря Иванюкъ, М. М. Шушеровъ и Владиміръ и Александръ, Нинуса Коровина, Коля Корогодовъ, Эрикъ и Мара Берендсонъ, Тростинка Нюра, дубинка Оля и Вовикъ Бобищевскій, Таня Славолюбова, Кира Бартенева, Боря, Дуся и Галя Лапчинскіе, Дина Токарева, Анико Канделаки, Таня Поляхова, Катя Головачева, Шура, Липа, Анюта и Котя Пашенко, Вѣра Гензлеръ, Нюра Молчанова, Лиза Смирнова, Люся Скупникъ, Володя Развадовскій, Вѣра Сафонова, Вѣрочка Лебедева, Дѣти Шальдихскаго Пріюта—Ваня, Сима и Таня, Любочка Могилевская, Анатолій Маламудъ, Маруся Фролова донская казачка и Андруша Федотовъ—донской казачокъ, Надежда Еранцова, Кто-то безъ подписи, Женюкъ, Вася, Шура, Ваня, Марфуша, Даша и Мурочка со ст. Константиновка, Боря Кайзерманъ, мальчикъ Коля Л—ъ, Шурока, Нина, Лиденька и

Серафима Протопоповы, Максимъ и Леля Бирнатъ, Олегъ, Олюня и Юрикъ Боговљенскій, Лейда Вольтъ, Т. В. Смоленецъ, Борисъ Коженевскій, Шура Засенко, Чижикъ и Толя Обрицкіе, Ируся Кальнина, Таня, Роза, и Гриша Гинзбурги, Вѣрочка Наумова, Иванъ Смоленскій, Николай Молвыгинъ, Толя Кедровскій, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Кто-то безъ подписи, Костя, Юра и Варя Абрамовы, Толя Канюка, Мурашечка и ея мама, Гоня Смольянинова, Маня Жемочкина, Володя Заксъ, Валя Вякина, Галя Попова, Исаакъ и Веніаминъ Голомштоки, Нина Мостепаненко, Рудольфъ Картупель и Освальдъ Акменкалнъ, Люба Михѣва и Лара Горбенко, Александръ и Борисъ Казмины, Владиміръ Шушеровъ, Костя Шорыгинъ, Женя и Оля Снѣгоцкіе, Леля Слищенко, Коля и Маруся Борисенко, Миша Мерингъ, Боря и Зоя Соловѣнокъ, Миша Дрякловъ, Наташа Стеклова, Тиша Калашниковъ и Леля Трунинъ, Витя Вадебергъ, Геня и Боба Запольскіе-Довнаръ, Коля и Сама Мыслете-Буки, В. Слободская, Константинъ Янковскій, Тамара Барановская, Володя Пастуховъ, Зина Семисаженная, Павлуша Ляховъ, Соня Сурженко, Дмитрій и Николай Вѣрновы, Лида, Шура и Вѣра Молокъ, Тася Долганова, Сергѣй Черкасовъ. Гриша и Роза Гинзбургъ, Нина Сухоцкая, Тамара Васильева, Гриша и Дина Гандлеръ, Рудольфъ и Августъ Куимяги, Ганя и Володя Красные, Володя Развадовскій, Таня изъ Гагръ, Теофанъ Теретьевъ, Катя, Юрикъ и Колчиха, Боря Суторихинъ, Женя, Соня и Коля Крайко, Эрна Беллингъ, Петя Шестаковъ, Коля Довгай, Коля Пустоваловъ, Оля Мазманова, Зина Колоденина, Ника и Боря Мотылевы, Вѣра и Боря Наумовы, Нина и Вѣра Серебренниковы, Кора Шамраева, Шура Соловьевъ, Валя Шавердовъ, Володя, Витя и Лида Шурыгины, Аркаша Долодоновъ, Сергѣй Черкасовъ, Леликъ-Кроликъ Богушъ, Костя Бобровъ, Валя Вякина, Шура Сарафанникова, Элла, Вася и Женя Мартенсъ, Женя и Люба Кудактины и Мусталеровы, Тася Долганова, Елена Коллертъ, Жена Родзевичъ-Вљевичъ, Надя Карташева, Оля Зандеръ, Володя и Боря Чикильдины, Фима Пономарева, Маленькій Семеновецъ, Морицъ, Алиса и Герта Кнорре, Яша Аврашковъ, Шура Голосницкій, Лидочка Юдина, Ядя Черни, Нина Иваницкая, Митя Скарятинъ, Павликъ Калафати, Анико Канделаки, Люба Михѣва, Клавдія Кузьмина, Ляра Горбенко, Жоржикъ Кузнецовъ, Анечка, Николенька и Вовикъ Шмыровы, Нина Мисевичъ, Сережа Гриненко, Борисъ Корженевскій, Лида и Миля Матвѣевы, Евгения Лурье, Ира и Галя Кузьменко, Лида и Лена Добровольскія, Коля Шевченко, Ксенія Караманова, Бируза Габузова, Николай Вольнскій, Митя Кудряцевъ, Нина и Толя Обрицкіе, Тетя, Тутя и Маги, Боря, Дуся и Галя Лапчинскіе, Тамара Смольянская, Шура Михайлова, Всеволодъ Шуй-

Ребусъ № 15.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны)

скій, Валя Капранова, Павлуша Кондратовичъ, Ева Леви, Леня Юссемъ, Клавдя Иванова, Рона Курочкинъ, Ира Карпова, Юрій Маръ, Федя Капрановъ, Раммеръ, Дима Капрановъ, Лидія Генельтъ, Лазарь Свѣшниковъ, Анатолий и

Александра Фатѣвы, Варя Избашъ, Валя Зейлертъ, Витя Вейсъ, Александръ и Борисъ Казмины, Лейда Вольтъ, Маруся и Галя Толкачевы, Сережа Ксенократовъ, Вася, Коля и Федя Покровскіе.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложениями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТЕРБУРГА.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 341

LECTURE 10

THE HARMONIC OSCILLATOR

1. Introduction

2. The Simple Harmonic Oscillator

3. The Damped Harmonic Oscillator

4. The Driven Harmonic Oscillator

5. Summary

6. Problems

7. References

8. Appendix

9. Bibliography

10. Index

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходить два раза въ мѣсадѣ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1 Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ и ПОДКИДЫШЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ— въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса 28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

рекомендуетъ слѣдующія книги

для дѣтей:

„ДРУЖОКЪ и ТОМКА“ Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна 40 коп., съ пересылкой 55 коп.

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“ Съ иллюстраціями, цѣна съ пересылкой 65 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.